**Квадратура круга в судебском исследовании правоотношений
(рецензия на монографию: Правоотношение
(Нравственность современного правового регулирования) /
П. П. Серков. М.: Норма, 2020. 688 с.)**

ЛАЗАРЕВ Валерий Васильевич, главный научный сотрудник центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор
Россия, 107078, г. Москва, Большой Харитоньевский пер., 22/24
E-mail: lazarev@izak.ru

Для цитирования: Лазарев В. В. Квадратура круга в судебском исследовании правоотношений (рецензия на монографию: Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования) / П. П. Серков. М.: Норма, 2020. 688 с.) // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 183—189. DOI: 10.12737/jrl.2020.157

Рецензенты серьезной работы обыкновенно начинают с представления ее автора. В данном случае также нельзя отвлечься от того, кем книга написана. Высокого уровня академическую тему раскрывает судья, что объективно должно сказываться на содержании умозаключений. Важно подчеркнуть: П. П. Серкову не было необходимости писать книгу в качестве средства профессионального продвижения. Его авторитет в науке признан, служебное положение очень высокое. И все свидетельствует о том, что автором движет исключительно научный интерес. Это не первая крупная его работа, и продуктивность автора вообще достойна быть примером. Полагаем, что читатели должны быть заинтригованы появлением столь обширного труда по определяющей для правоведения теме как в теоретическом, так и в практическом отношении.

Исследование П. П. Серкова ценно тем, что в нем ставятся фундаментальные научные вопросы в связи с решением серьезных проблем правотворчества и правоприменения. При этом осмысление излагаемого

материала и предлагаемых выводов вызывает новые вопросы, что как раз свойственно подлинно научному творчеству.

Вопросы возникают сразу по прочтении подзаголовка исследования. Нет ли необходимости о нравственности современного правового регулирования говорить в кавычках? С чьих позиций или с каких оппозиций мы говорим о нравственности? Нравственность 1990-х гг. сегодня многими характеризуется как откровенная безнравственность. Охватываются ли те годы понятием «современного»? Как отсчитывать современность — веком, полувеком, четвертью? Регулирование регулированию рознь. Законы могут быть выдержаны с нравственных позиций, а подзаконные акты? А «теневое право», в существовании которого мало кто сомневается сегодня? Если в реальной действительности отношения между людьми возникают не только на основе права, но и параллельно праву и вопреки ему, то не вернее ли говорить о правовом опосредовании современных (в том числе нравственных) коммуникативных средств?

Канон требует, чтобы автор сам ставил вопросы во введении к книге и по возможности оговаривал, в какой степени они будут «отоварены» в соответствующих разделах. Уже здесь должен завязываться диалог с читателем. Если автора это не волнует и он просто хочет самовыразиться, набрасывая свои суждения без обозначения той общей концепции, которую он хочет обосновывать, то ему нет необходимости указывать, на кого книга рассчитана (на граждан, судей, студентов последнего курса), что сделано до него и что новое он намерен привнести. Все это должно быть откровенно заявлено читателю. От этого во многом зависят мера претензий и мера снисходительности к автору по существу решения проблемы. Отсутствие такой завязки затрудняет восприятие идей.

Для любого читателя, например, важно изначально иметь четкое решение вопроса о включении морали и нравственности в предмет юридической науки. Так, § 2 гл. 1 именуется «Мораль и нравственность в контексте юридической науки» (что скрывается за понятием «контекст?»), в котором говорится: обозначенные контексты уже позволяют сомневаться в том, что мораль и нравственность предстают категориями, детально изученными и освоенными юридической наукой (с. 68). Заметим, что нет учебников, которые бы включали мораль и нравственность в предмет юридической науки. Авторитет монографических работ относительно предмета юридической науки не используется. А между тем надо признать, что параграф о сущности морали (§ 5 гл. 1), который, казалось бы, выпадает из предмета юридической науки, в целом очень сильный.

При этом развиваемые в следующем параграфе собственные взгляды П. П. Серкова о противоречивости морали (с. 156—159) по меньшей мере спорны. Автор сам себя загоняет в тупик, поскольку признает

мораль и у подлеца, так как мораль заставляет думать «как индивидуально жить, не считаясь с другими», ибо «мораль имеет место и тогда, когда человек поступает хуже животного» (с. 159). «Из изложенных доводов следует, что за счет субъективных мотивов, эмоций и чувств мораль как атрибут сознания и психики способна и одухотворять жизнь человека, и приводить его же в “животное” состояние, генерировать, в частности, честность и нечестность, а как следствие — межличностное доверие и недоверие» (с. 158). Из-за своей противоречивости мораль предстает по автору источником и одновременно областью действия диалектического единства и борьбы противоположностей. П. П. Серков считает свои взгляды непривычными, когда делает вывод: «Таким образом, мораль как атрибут сознания и психики оправдывает свое высокое предназначение, заключающееся в оформлении внутренней неразрывности субъективных прав и субъективных обязанностей. От нее зависит вектор движения свободы воли в сторону независимости или зависимости от эгоизма субъективных интересов» (с. 159).

Не может не привлечь внимания постановка вопросов о том, что означает быть нормальным человеком, какие рутины общественной жизни продуцируют безнравственные действия, какими усилиями организуется нормальная социальная жизнь и т. д. (с. 39—40 и далее). Читатель найдет много интересных суждений в плане организации механизма правовых отношений. Особенно привлекает апелляция к закономерностям межличностного общения, закономерностям, положительно или отрицательно воздействующим на субъективное и общественное сознание. Главный методологический посыл таков: «Без проникновения в глубину протекающих процессов сложнейшая сущность правового бытия не может быть уяснена. В ней сокрыты закономерности, ведущие

к пониманию как нравственного, так и безнравственного пространства» (с. 390). К сожалению, многие закономерности, с полным основанием констатируемые по тексту всей книги, не получают должного формулирования в качестве соответствующих непреложных зависимостей. О них говорится чаще без их наименования, без раскрытия обусловленности одного явления другим. Так, автор пишет, что при отделении морали от нравственности должна быть выявлена *связь с правовым регулированием на уровне соответствующих закономерностей* (с. 161). Каких? И далее, очевидно не без оснований, утверждается, что уяснению вопросов внутреннего мира человека служат «закономерности изучения и лечения “дефектов” в деятельности сознания и психики». Какие? Здесь же применительно к родоплеменному формированию идейного содержания норм указывается на «пластичность принципов взаимности и паритетности во взаимоотношениях членов племени и рода» (с. 161). Очень интересная конструкция, но, если это своего рода закономерность, она требует обоснования в этом качестве. Тем более далее автор пишет: «Искусственно вводимая взаимность, а также паритетность за счет коллективного принуждения, напротив, по своей сути означают наличие социальных поведенческих закономерностей» (с. 163). Возникает вопрос: не считает ли автор закономерностями те стохастические процессы, которые ими не являются? Так, нельзя не согласиться с необходимостью упорядоченного распределения идейного содержания норм и фактологии регулируемой ситуации по элементам механизма правоотношений, но обоснованно ли эта необходимость объявляется закономерностью (с. 654—655)?

Сегодня всякие основания морали и нравственности и все разумения на этот счет, все позиции о соотношении морали и нравственности, морали и права (с. 44 и далее) сокру-

шил наполеоновским ударом ряженный реконструктор. Где та специфическая закономерность, которая определила контекст поведения О. Соколова? И правильно ли делать вывод, что «состояние субъективной ответственности за благополучие межличностного общения, скорее всего, проистекает не из страха быть наказанным... из страха угрызений личной совести» (с. 140)? Как это вяжется с поведением реконструктора, который топил останки девушки из-за страха быть наказанным и гулял без стеснений на другой день после совершенного?!

Многие вопросы здесь остаются без ответа, но очень важно подчеркнуть, что П. П. Серков не просто вслед за признанными специалистами перечисляет биологические способности человека в свете антропосоциогенеза, но называет ряд психологических характеристик, объективно и органически присущих человеку (с. 144—148 и др.), которые как итог теоретических рассуждений могут проливать свет в том числе на историю с историком, на последствия ряда правоотношений, в которых реконструктор состоял. К ситуации с Соколовым как нельзя более подходит характеристика психопатических убийц в отрывках из работы Роберта Д. Хаэра «Лишенные совести. Пугающий мир психопатов» (с. 154—155). Хаэр может претендовать на открытие, но и П. П. Серкову можно поставить в заслугу: не всегда наблюдаем столь актуальное цитирование!

П. П. Серков дает сильную характеристику (отрицательную) того, что сделано до него: «Причиной научной неуспешности является понятийное скольжение по морали и нравственности» (с. 136). Но далее идет «скольжение» по бесчисленным выдержкам из оказавшихся на его письменном столе работ без обозначения собственной методологически значимой концепции. Она, возможно, есть, но ее сложно улавливать в многостраничном тексте при

избранном способе изложения. Мало того что цитаты пространные, они следуют одна за другой, и всякий раз нет однозначного ответа, какой авторский вывод им соответствует. Полагаем, наше замечание уместно, поскольку в книге коллегам часто вменяется в вину неясность их суждений. Даже Гегелю. Сказать, что в каких-то представлениях у Гегеля нет полной ясности (см., например, с. 87, 92—93 и др.), — ничего не сказать: Гегель считается темным философом, трудным для понимания. И всегда возникает вопрос: может быть, в нас, читателях, причина? Поэтому воспроизведение позиций требует их анализа по существу. Эта абстрактная философия для многих неясна. Кант также критикуется за неопределенность, неясность (с. 77, 80). Складывается впечатление, что профессор П. П. Серков хотел бы прямого и непосредственного использования теорий чистого разума применительно к реалиям механизма правовых отношений. Но в то же время он пишет: «...анализ механизма правоотношений показывает, что для выявления категорического императива и установления соотношения с гипотетическим императивом не требуется теория чистого разума» (с. 83). Несогласие с Кантом в понимании практического разума покоится на утверждении о действии опять же неведомых для читателей закономерностей, конструирующих механизм правоотношений (с. 84). Но если речь идет об интеграции в итоге практического и теоретического разума как об одной из этих закономерностей, то этот вывод следует признать обоснованным¹.

¹ У Канта чувственность и рассудок имеют между собой принципиальное различие; они представляют собой два разных ствола в человеческом знании. А отсюда следует, что научное знание можно мыслить лишь как синтез этих разнородных элементов чувственности и рассудка. Ощущения без понятий слепы, а понятия без ощущений пусты, говорит Кант. И вопрос теперь

Автор правильно пишет: «Сложно говорить о четкости и определенности при установлении сущности и места морали и нравственности относительно права в аспектах соотношения целого и части, первичного и вторичного. Лишены конкретики и правильные по своей сути доводы о влиянии морали и нравственности на результативность правового регулирования» (с. 49), но правильно ли смотреть на мораль «как критерий оценки права» (с. 47)? Не спорно ли? Мораль — критерий оценки поведения, действий, а не состояний. Причем действий индивидуального субъекта, человека, а не фикции типа юридического лица. Если последнее еще можно привлечь к юридической ответственности, то к моральной — не нонсенс ли?

Судья очень критичен по отношению к академической науке, например, он часто полемизирует с профессором А. В. Поляковым. Но многие из тех положений, на которые автор обращает внимание, выдвинуты фактически западными сторонниками (основоположниками) коммуникативной теории права, к работам которых П. П. Серков не обращается. Но, констатируя критицизм П. П. Серкова, надо признать и заслуги в постановке задач для исследователей. Так, констатируя параллельное функционирование норм морали и норм нравственности, он выступает за проведение работ по «сведению в единую систему координат практики функционирования гипотетических моральных норм и норм нравственности» (с. 54—55). Критикуя позиции А. В. Полякова

состоит в том, каким образом осуществляется этот синтез и как обосновать необходимость и всеобщность (на языке того времени — априорность) знания как продукта такого синтеза. Как возможны синтетические априорные суждения? — вот как формулирует Кант важнейшую для философской системы проблему (см.: Введение в философию: учебник для вузов: в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. И. Т. Фролова. М., 1989. С. 180, 182).

за отсутствие системной конкретики нравственности, морали и правового регулирования, автор ориентирует на то, чтобы соответствующие понятия имели консолидированные смыслы и занимали присущее им место (с. 61). Новизной отличается постановка вопросов доказывания в науке и практике (§ 2 гл. 111), в частности необходимости доказывания правильности соответствующей методологии (с. 433).

Заслуживает внимания стремление практика насытить теоретические выводы содержательной системной конкретикой, разделяющей и одновременно связующей мораль и нравственность с правовым регулированием, целенаправленно и системно затрагивающим внутренний мир человека. Экспектации мира сознания и подсознания столь существенны в их влиянии на реальное поведение, что вполне оправдано их сопоставление с влиянием официальных регуляторов. Кто может сказать, например, что больше влияет на отношения в коллективе управленческого органа: норма, определяющая служебное поведение, или экспектации, навеянные представлениями (образами) о роли непосредственного начальника, страхами от рассказов о его поведении в отношении подчиненных, даже навеянные тембром его голоса, когда он отдает распоряжения?

Через все исследование проходит приверженность П. П. Серкова к ценностям механизма правоотношений, конструкция которого органично структурирует и систематизирует познавательную-аналитическую деятельность, выходя на ценностные измерения правовой действительности (см. с. 460 и далее). Отсюда, в свою очередь, вырисовываются проблемы «нравственной инженерии» правового регулирования и нравственные начала юридической науки, чему посвящается специальный раздел (с. 612 и далее).

Как и в предшествующих работах, П. П. Серков отдает предпо-

чтение в регуляции поведения обязанности. В книге зафиксирована претензия на очень серьезный авторский вывод об обязанности «социального проживания» как законе непреложном ни при каких обстоятельствах: «...человек рождается уже с обязанностью принять факт социального проживания, как закон Космоса, непреложный ни при каких обстоятельствах. Поэтому человек не имеет права претерпевать эту обязанность, а обязан делать это» (с. 94).

Правильно замечено, что «...овладение методологией углубленного анализа механизма правоотношений не может основываться на сугубо исследовательском усмотрении» (с. 73). Но исполнимо ли это, тем более если вполне допустимы противоположные суждения? Автор вынужден констатировать: «Из изложенного напрашивается предположение об *отсутствии устойчивого единения* точек зрения относительно понимания морали и нравственности. Соответственно, *не получается констатировать*, что научные суждения способны *системно служить прагматичным и структурированным цивилизационным* руководством для организации социального благополучия» (с. 104). Но иного и быть не могло. По объективным и субъективным причинам «руководства» будут столь же многообразны. Создать их «на века» не удастся, и хорошо, что автор, кажется, подобной цели не ставил.

В связи с этим справедливо отмечено, что научное понимание морали и нравственности глобально формирует гармонию межличностного общения, но недостаточно ограничиваться понятийным анализом, а следует задаваться вопросами, входящими в сферу изучения разных гуманитарных наук, что устранил «настроения отраслевого «всезнания»» (с. 104—106), приглушит хор «гремучей смеси» хаоса субъективных интересов человека и инстинктов потребностей в его волевых по-

ступках (с. 124). Заслуживает поддержки позиция автора о необходимости проникновения в глубины морали и нравственности, представлении их не статично, а в динамике межличностного общения, во всем спектре чувств, эмоций и мотивов (с. 136—138).

Еще раз подчеркнем полезность критического анализа проведенных исследований (см. с. 107), при этом мы всегда ожидаем анализ реальных отношений в их исторической ретроспективе. Например, обращаясь к первобытному обществу, речь идет о долге, совести, чести, благоприятном существовании каждого члена общества и благополучии всего общества, об основах устойчивой общественной гармонии (с. 109—110), но все это скорее понятийный анализ (к которому автор порой относится скептически), а не констатация реальных исторических фактов. Отсюда умозрительными выглядят некоторые заключения, подобно тому, что продукт общины распределялся «в соответствии с *реальными потребностями* индивидов» (с. 111). Здесь, как во многих других случаях, говорится о закономерностях, но сами они не называются.

Особое внимание автор отводит полемике о мононормах в древнем обществе: «Введение мононорм родоплеменных обществ проявляет себя неистребимой единой потребностью обеспечения благополучия жизни каждого члена и всего социума в целом» (с. 143). Между тем представляется, что никто эти нормы не вводил. Они складывались без осознания того, правом или обязанностью является тот или другой вариант поведения, без понимания той силы, от которой исходит необходимость данного поведения. Понятие о мононорме — более позднее осознание ее сущности, если не простая констатация, что в данной норме есть черты одного и другого, что впоследствии получило собственную жизнь, выделилось в особый класс норм.

Наша рецензия вызвана потребностью выразить свои рефлексии, впечатления и ощущения от прочитанного, от понятого в строках, между строк и за строками. Однако эту потребность не удалось реализовать в полной мере. Обилие материала заставило ограничиться изложением общих, наиболее принципиальных, с нашей точки зрения, имеющих методологическое значение положений, которые могут привлечь внимание к монографии П. П. Серкова в среде теоретиков права. Это нам показалось оправданным и по той причине, что автор озабочен успешным распоряжением методологических ресурсов (см. с. 420 и далее).

Возвращаемся к началу нашего разговора. Квадратурой круга называют математическую задачу. Ее характерной особенностью является то, что она за всю человеческую историю, начиная с древних времен, так и не была решена. Эта задача лежит в области евклидовой геометрии, точнее — в разделе построения с помощью циркуля и линейки (без делений). Суть ее состоит в возможности построить при помощи двух этих инструментов квадрат, площадь которого была бы равна площади данного круга. С некоторых пор любому математику стало понятно, что задачу при помощи циркуля и линейки решить невозможно. Невозможно ее решить и при помощи любых других кривых, подчиняющихся алгебраическим законам, хотя при помощи трансцендентных кривых это сделать можно². В нашей истории есть нечто похожее. Долгое время юристы решают вопрос: предшествует ли позитивное право правоотношениям или правоотношения рождают позитивное право и равна ли «площадь» естественного права «площади» правоотношений, складывающихся

² URL: <https://zen.yandex.ru/media/pronauka/chto-takoe-kvadratura-kruga-prostymi-slovami-5f1fbeatc1a863f99af0c26>.

в сфере правосудия? П. П. Серков в своей новой книге предпринял попытку решить эти вопросы с помощью «трансцендентных кривых» нравственно-правового регулирования. Он наложил на сферу (на круг) правовых отношений квадрат отношений естественно-нравственного

регулирования, что одновременно способно дать определенные ответы и ставить еще больше новых вопросов. В этом ценность творческой работы, и мы можем констатировать и новизну исследования темы, и открывающиеся перспективы ее дальнейшего изучения.

**Squaring the Circle in Judicial Research of Legal Relations
(Review of the Monograph “Legal Relations (Morality of Modern
Legal Regulation)” by P. P. Serkov. Moscow, 2020. 688 p.)**

V. V. Lazarev

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow 107078, Russian Federation

E-mail: lazarev@izak.ru

DOI: 10.12737/jrl.2020.157

For citation: Lazarev V. V. Squaring the Circle in Judicial Research of Legal Relations (Review of the Monograph “Legal Relations (Morality of Modern Legal Regulation)” by P. P. Serkov. Moscow, 2020. 688 p.). *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2020, no. 12, pp. 183—189. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2020.157